

«Куда-то ваш голос пропадает... Как в пустыню ныряет...» – говорит он в телефонную трубку и молодцевато смеется.

Он обо всем говорит незаурядно.

Проза Бондарева обстоятельна, выразительна, мелодична, полна красок, внимания к тонким движениям тела и души. С самых первых его вещей – это классическая литература.

Пожалуй, главное для фронтовой бондаревской прозы – взятое из пережитого повторение древнего сюжета сражения при Фермопилах: не постояв за ценой, выстоять. Или проиграть, но жизнью пожертвовать.

Так, в повести «Батальоны просят огня» (1957) те, кому нельзя отступить и надо отвлечь противника, остаются без огневой поддержки своих. Из нескольких сот человек выживают всего пятеро. Капитан Ермаков говорит командиру дивизии Иверзеву: «Я не могу считать вас человеком и офицером». (Но и этот командир готов к смерти, позднее он лично ведет солдат в лобовую атаку и, раненый, теряя кровь, освобождает оскорбленного его капитана из-под ареста.)

Натиск врага и самоотверженная гибель и в «Последних залпах» (1959), и в миниатюрах «Мгновения» (1977), а в романе «Тишина» (1962) полковая батарея окружена и расстреляна прямой наводкой.

В романе «Горячий снег» (1970), посвященном боям под Сталинградом, тот же отчаянный героизм попавшего в окружение взвода. Под конец остаются несколько снарядов, одно орудие и четверо выживших. Командующий видит в бинокль, как не сдаются «казалось давно обреченные, но вот же продолжавшие

бороться», кто «никак не должен был уцелеть и не числился в живых». И в романе «Выбор» (1981) – окруженная батарея, и герой, застреливший своего командира и не успевший застрелиться (но он все же однажды лишит себя жизни).

Хочется отметить деликатность и человечность мастера и фронтовика, которую проявляет Бондарев при описании самых страшных подробностей смертоубийств. Он сумел показать ужас войны точно и выпукло, но уклоняясь от натурализма, быть может, так шадя память павших. Очень часто самую жуть он вкладывает в уста персонажей, называя, но не показывая, избегая изображения.

Он пришел в литературу на оттепельной волне – с горечью. В «Тишине» торжествует государственный произвол: отец героя арестован МГБ, сам он исключен из партии и покидает институт из-за клеветнического обвинения, а мерзавец, подставлявший людей на фронте, доволен и благополучен. И в продолжение сюжета – давящая атмосфера начала 1950-х, похожие на кошмарный сон похороны Сталина. Повесть «Родственники» (1965) о железной силе, разъединяющей самых близких: брат написал донос на сестру.

Однако Бондарев же оказался консервативным возмутителем спокойствия прогрессивной среды. Он дал художественно пластичный и яркий образ Сталина, пронизательного и твердого полководца, в романе «Горячий снег» уже после всех разоблачений вождя на высшем уровне. Он – автор антизападнического романа «Игра» (1985) о разрушительности «культы потребления».

Увешанный орденами и медалями, в 1994-м Юрий Васильевич публично отказался принять государственный орден «Дружбы народов» по случаю своего юбилея. Телеграмма в адрес первого российского президента была коротка: «Сегодня это уже не поможет доброму согласию и дружбе народов нашей великой страны». Чем-то напоминает сцену из его ранней повести.

«— Простите, товарищ полковник, — сказал Ермаков, не в силах сдержать себя. — Вы надеетесь, что моя докладная воскресит батальон?...

Ермаков выговорил это и будто оглох от собственного голоса, доносившегося до него как из душного тумана, и, в ту секунду отчетливо понимая и чувствуя, что правда, которую он скажет сейчас, будет стоить ему очень дорого».

Последнего советского классика редко вспоминают в последние десятилетия, почти не показывают по телевизору. И конечно, никто не спешит также, как экранизировали когда-то его военную эпопею «Освобождение», снять фильм по роману «Бермудский треугольник» о гражданской войне 1993 года в центре Москвы, где в русских людей стреляют уже не немецкие — отечественные танки.

Это разговор с Юрием Васильевичем, которому исполняется 95 лет, и частично с его чудесной женой Валентиной Никитичной. Из скромности он и она попросили убрать некоторые прекрасные эпизоды их знакомства, юного общения, спортивного соперничества, но главное — осталось...

У него глуховатый, отрывистый голос. Он

старательно подбирает слова, отвечая на любой вопрос, будничным или мировоззренческий, но произносит их порывисто, с нажимом.

В его лице, с продольной морщиной на высоком лбу, — скорбная раздумчивость. В светлых глазах — живой огонь.

Всегда, всегда при всей его лихости, он невесел и сосредоточен, как бы от непреходящей и привычной боли.

Когда в нем поселилась эта печаль? В войну, когда видел неотрывно смерть и терял друзей? Или позднее, когда потерял страну?

С.Ш.: Юрий Васильевич, спасибо, что согласились поговорить.

Ю.Б.: Я даю интервью редко. После встречи спрашиваю себя: «Сказано ли было что-то существенное? Нужен и важен ли был разговор?»...

С.Ш.: Что вас радует в жизни?

Ю.Б.: Утро. Рассвет. Звездная ночь.

С.Ш.: Какая ваша любимая экранизация вашей прозы?

Ю.Б.: Их несколько, любимых: «Тишина», «Горячий снег», «Батальоны просят огня», «Берег». А еще люблю песню «Горячий снег» на слова моего друга-фронтовика Михаила Львова.

С.Ш.: Какими были ваши родители?

Ю.Б.: Я часто их вспоминаю. Они делали все, чтобы мы росли совестливыми. Мама — это любовь, сердечность, нежность... Отец — народный следователь. Он любил брать меня с собой в командировки. Он был настоящий мужчина, сильный, бесстрашный человек. Он

учил меня стойкости. Когда в Москве случались разбойные кражи, он выскакивал первый на любой шум. После войны (в 1949 году) его по навету посадили на восемь лет, и из лагеря он вернулся с туберкулезом. Знакомая врач Вика, жена детского писателя Михаила Коршунова, его вылечила (он прожил после этого еще тридцать лет). Когда его хоронили, помню, что он преобразился в гробу, стал похож на пророка.

С.Ш.: Когда вам было семь, родители переехали в Москву. Знаю, много времени в детстве вы провели на реке...

Ю.Б.: ... на реке Белой под Уфой. И потом я приезжал туда каждое лето к дяде Феде Гришаенко, брату матери. Мы с ним охотились, рыбачили, ночами говорили у костра.

В Москве в школе у меня была замечательная учительница русского языка Мария Сергеевна Кузовкина. Она говорила: «Юра, ведите дневник, записывайте!» Она читала вслух мое сочинение в классе, можно сказать, мой первый рассказ «Как я провел лето», про эту реку Белую. Как мы там с братом двоюродным строили шалаш и ловили рыбу. 11 мая 1945 года он погиб в Австрии.

С.Ш.: Вы жили в Замоскворечье... Что самое яркое там запомнилось?

Ю.Б.: Это были неповторимые и беспримерные времена. Двор был – одна семья. Почти все ночью выносили кровати и спали под столетними липами. Старшие рассказывали о Гражданской войне... Я во дворе поставил турник, делал солнышко... У меня был второй разряд по гимнастике. Скажу без ложной скромности, что считался самым сильным и храбрым

во дворе. Может быть, на меня повлиял Джек Лондон, я любил и до сих пор люблю его безоглядно отважных мужественных героев.

В Замоскворечье, где прошло мое детство, я полюбил голубей. И там, в Замоскворечье, были сплошные голубятни. У меня были все породы голубей!

В 41-м началась война, и я, еще школьник, отправился рыть окопы под Смоленском. А в октябре 42-го уже попал в Сталинград, где был командиром минометного расчета, получил ранение, контузию, обморожение... Потом Воронежский фронт, форсирование Днепра, освобождение Киева. Бои за Житомир, новое ранение, госпиталь... А дальше бои в Карпатах.

С.Ш.: Юрий Васильевич, у вас две медали «За отвагу». Вспоминаете тех, с кем вместе прошли войну? Какие они были?

Ю.Б.: Конечно. Постоянно вспоминаю. Мы воевали с мыслью, что за нами стояла Россия. Кроме их отваги и самопожертвования, я хотел бы отдельно отметить их уровень культуры.

Это были артиллеристы, почти все деревенские ребята. Только три городских офицера во всей нашей батарее. Эти ребята со всей страны не учились в вузах, но тянулись к знаниям, и, подозреваю, были гораздо образованнее многих сегодняшних студентов. Тогда ведь всюду были кружки, дома пионеров, ребята читали и хорошо знали классику. И отличались человеческим достоинством, чуткостью, деликатностью.

Возможно, до конца я даже так и не смог передать невероятную теснейшую дружбу и взаимозависимость солдат на войне.

Самое страшное – первая бомбардировка. А так, я не встретил ни одного ненадежного

сослуживца. Все на войне были влюблены в места, где они жили, и поэтому верили, что не погибнут. Это было способнейшее поколение!

Мы проходили все круги ада, полные надежд, и чувствовали себя людьми, защищавшими свой дом, родных и любимых. Мы сами себе казались очень взрослыми людьми, которых уже ничем не удивишь. И при этом мои ровесники, вернувшиеся после войны и ничего не страшившиеся, боялись поцеловать девушку. Сейчас таких не встретишь.

Думаю, что выжил на войне чудом. Смерть все время была рядом. Однажды снаряд упал прямо передо мной, тогда пронеслось: «Господи, спаси и сохрани!». И он не взорвался.

С.Ш.: В вашей жизни было много чудесного?

Ю.Б.: Чудеса? Вся жизнь чудесная. Сегодня посмотрел на дерево. Было зеленое, а стало все желтое, а потом будут голые ветки. Это и есть необыкновенность.

С.Ш.: Знаю, что вам довелось воевать с так называемыми бандеровцами.

Ю.Б.: Это было перед Карпатами. Они обстреляли нашу артиллерийскую колонну, ну и мы ответили хорошенько. Помню, у Каменец-Подольского у реки подошли мутные хлопцы в черных куртках, а спустя полчаса началась по нам стрельба из кустов возле берега.

Кстати, в Карпатах я видел своими глазами, как маршал Москаленко, командующий армией, стоял на перевале почему-то с немецкой винтовкой и кричал: «Стой, славяне! Ни шагу назад!» Я тогда подумал: «Его ли это дело так останавливать?» Но мы уж, конечно, не драпали. И врзалось в сознание это грозное: «Славяне, ни шагу назад!».

С.Ш.: Вы и с Жуковым встречались.

Ю.Б.: С Жуковым я встречался несколько раз — и у него на даче, и на квартире у режиссера Юрия Озерова, когда работали над сценарием «Освобождения». О многом его расспрашивал, а он многое прояснил в нашей военной стратегии. Он не упрекнул нас в неточности.

С.Ш.: А писали на войне?

Ю.Б.: Нет, на войне не мог ничего записывать. Был привязан к пушке. Потом все доставалось из памяти.

С.Ш.: Валентина Никитична, это правда, что вы познакомились с Юрием Васильевичем, когда он еще не был писателем?

В.Б.: Я училась с его сестрой в школе. И жили мы рядышком. Моя Озерковская набережная и его Новокузнецкая улица. Встречались на перекрестке и много гуляли. И уже больше шестидесяти семи лет вместе.

Юрий Васильевич поступил в Литературный институт в 1946-м. Первый рассказ — «Поздним вечером» — был опубликован в 1949-м.

С.Ш.: Помню этот прекрасный рассказ. Коля ждет маму-врача в доме, одолеваемом метелью, а в руке сжимает перочинный ножик, подаренный ему отцом, погибшим на фронте.

Ю.Б.: Когда я поступал в Литинститут, принес стихотворения и два рассказа по четыре страницы. Вернувшись с войны, я писал о войне.

Прихожу, сидит секретарь, довольно симпатичная молодая женщина. «Покажите, что вы пишете: стихи, прозу?» — «То и другое». Почитала: «Угу, так, так, угу... По отчеству Васильевич? Юрий Васильевич, стихи неудач-

ные. Вон там мусорное ведро, стопочку порвите и выбросьте. А это рассказы?» Прочитала. «Можете идти. Вам позвонят». Позвонила через два дня: «Поздравляю. Я передала ваши рассказы Паустовскому, и тот сказал: прини- мать без экзаменов». Курс был почти весь из фронтовиков. Константин Георгиевич Пау- стовский меня заметил, умилился моими рас- сказами. Например, он очень оценил мой уже упомянутый рассказ «Поздним вечером» – да, да, о том, как ребенок ждет мать.

Он же первым хорошо отозвался о моем ро- мане «Тишина». Он говорил: «Юра, работать! Забудьте про все увеселения этой изменчивой жизни. Работайте, ищите образ, метафору, слово». Он был деликатным и доброжелатель- ным, лиричным, много говорил о словах, об их тонкости, точности, свежести. Много расска- зывал о других писателях, изображая их инто- нацию, передавая их излюбленные словечки. Я у него бывал дома, мы подолгу говорили о литературе, жил он скромно.

С.Ш.: Вашу прозу называли «лейтенант- ской».

Ю.Б.: Мои герои со школьной скамьи ушли на передовую. Но это название «лейтенант- ская» придумали критики. Упомяну Виктора Некрасова. Кстати, он мне был особенно бли- зок из военных писателей. Еще бы я назвал Константина Воробьева, и Василя Быкова, и Константина Симонова. Меня еще поначалу называли «жестоким реалистом». Я, действи- тельно, реалист в своих книгах, я следую прав- де жизни. Но при этом каждая моя книга – по- знание тайны.

На самом деле, память для меня оказалась

ответственностью. Все, что мною написано о войне, – это искупление долга перед теми, кто остался там... Я постарался осмыслить их судьбы.

С.Ш.: Писали от руки, печатали?

Ю.Б.: Всегда от руки. Рука – помощница.

В.Б.: Юрий Васильевич работал каждый день. В 1951-м предлагали пойти в аспиранту- ру. Но решил посвятить себя столу – писатель- ству.

Ю.Б.: Это то, что должны знать молодые авторы прозы: талант не проявляется сам. Только после тяжелой работы за столом.

Я много читаю, несмотря на возраст. Все время возвращаюсь к своим любимым писате- лям: Бунину, Паустовскому, Шолохову, Твар- довскому. И, конечно, Толстому.

Мой литературный бог – мудрейший Лев Николаевич. Мне кажется, он сказал о жиз- ни все. Например, он сказал так: «Все прой- дет, все... Все изменится и от костей наших не останется ничего. Но если в наших произведе- ниях есть хоть крупинка настоящего искусства, они будут жить вечно». Толстой говорил, что надо всю жизнь учиться, до конца. Я учился и до сих пор учусь у жизни. Вот что важно для писателя.

Выходит немало интересного, и все же явно не хватает серьезных и ярких романов, спо- собных вобрать широту бытия и выразить саму историю через драму человеческой личности.

С.Ш.: Но была и цензура, вам доставалось от официальной критики, так же, как потом от про- грессистской...

Ю.Б.: Да, доставалось. Но я вопреки мод- ным стенаниям хочу сказать, что не держу оби-

ду на цензоров, с которыми ночами пили кофе и спорили над той или иной фразой. Иногда я говорил: «Если вы знаете, как художественно достоверно переделать эту сцену, я хоть сейчас ее перепишу. Нет? Не знаете? Тогда оставлю!» Если где-то уступал, то по своей воле и незначительно, не в ущерб литературе и правде. Иногда что-то предлагали смягчить.

С.Ш.: Как надо воспитывать детей?

Ю.Б.: Пусть Валя скажет...

В.Б.: Юрий Васильевич очень добрый отец. Он всегда относился ко мне с большой заботой и уважением, а значит, подавал пример детям, как относиться ко мне, к старшим. Все вместе мы — дружная семья, без всяких преувеличений.

С.Ш.: С кем дружили из писателей?

Ю.Б.: Дружил с поэтом Сергеем Викуловым, тот был артиллерист и прошел тяжелые испытания. Настоящий патриот, главный редактор «Нашего современника». Чистый и в чем-то наивный человек.

В хороших отношениях мы были с Юрой Трифионовым. И с многими-многими...

С.Ш.: Вы родились в один день с Валентином Распутиным — 15 марта.

Ю.Б.: Старался относиться к нему чутко и помогать. Мы очень хорошо общались.

С.Ш.: Оглядываясь на жизнь, чем вы гордитесь?

Ю.Б.: Удалось не промолчать и защитить нашу природу от надругательства. Удалось добиться победы над теми, кто хотел осуществить поворот северных рек и проложить канал через калмыцкую степь, повернув Волгу, не просчитывая опасности для великой реки.

Не молчал. И когда страна попала в беду, тоже не смог отмолчаться... Пускай и накрыли меня гневные вопли.

С.Ш.: Вы тогда, еще в июне 1988-го, с трибуны Всесоюзной партийной конференции сравнили перестроечное общество с самолетом, который подняли в воздух, не зная, есть ли в пункте назначения посадочная площадка. Он все еще летит?

Ю.Б.: Да, он еще находится в полете. Летит в неведомую даль. Я тогда же процитировал одного молодого механизатора из совхоза: «Есть ли сейчас разница между человеком и мухой? И муху и человека газетой прихлопнуть можно. Чуть что — сразу в антиперестройщики». Да, перестройка была использована как повод для дестабилизации, а потом и слома страны.

В деревне знают, как строить разумно: новый дом строят вокруг старого, а не просто ломают старый, а мы разгромили родной очаг, и ничего не построили.

Произошла трагедия убиения огромного государства. Его существование не было экспериментом. У него было будущее.

С.Ш.: Что вызывает надежду теперь в России?

Ю.Б.: Уныние — великий грех. Надежды остаются. Повторю за одним из героев своего романа «Непротивление»: «Не всегда будет темнота там, где она густеет...» Поэтому надеюсь, что благородные устремления вступят в решительное сражение с всевластной пошлостью.

Хотя бы потому, что в русском человеке живут доброта, справедливость, героизм, открытость. И хорошо, когда это не глупая от-

кровенность, а настоящая, подлинная сердечная отзывчивость. Но любимый мной и самый русский из наших писателей Иван Алексеевич Бунин подмечал и много печального, о чем не грех задуматься.

Сколько было всего дурного и мрачного: от розней князей и произвола помещиков до расстрела парламента... Вы написали о тех событиях роман «1993», а я, как вы знаете, роман «Бермудский треугольник».

С.Ш.: Что для вас те события?

Ю.Б.: Я говорил часто и повторяю: тогда Россия стала другой. Что-то надломилось в народе.

С.Ш. Что огорчает сегодня?

Ю.Б.: Слишком много лжи и боли. Слишком много нищих и потерянных. Для меня смысл жизни в известном кантовском: «Звездное небо над головой и нравственный закон внутри». Где нет нравственности, бессмысленны любые законы. Знаете, когда больше всего законов принималось? В смутные времена!

Расстраивает и непрерывное жонглирование жаргонизмами снизу доверху. А могло бы преобразить Россию слово: слово, в котором красота правды. Совесть должна сопротивляться.

С.Ш.: Что важно для писателя?

Ю.Б.: Писатель зависим от всей мировой культуры, но он не зависит ни от кого в отдельности. Так я дерзко сформулировал когда-то.

С.Ш.: Вы верующий?

Ю.Б.: Вера — это тайна. Я крещен, читаю Библию.

В.Б.: Мы отмечаем все церковные праздники.

Ю.Б.: Всегда отмечаем. Но вот был ли верующим Толстой? Я думаю, Толстой — глубоко верующий человек. Перечитал «Анну Каренину», «Казачи», «Детство» и «Юность» — и во всем глубина веры. Верой дышит поэзия, к которой обращаюсь каждый день. Только сегодня вспоминал почти молитвенные строки Тютчева: «Есть в осени первоначальной короткая, но дивная пора...» Я собираю афоризмы, народные сказки, и все ведет к одному, к тому же, в сущности, к чему и искусство, которое желает открыть извечную тайну бытия и человека.

С.Ш.: Что важно в жизни?

Ю.Б.: Я слышал от прославленного полководца: «Я бы немедленно застрелился, если бы не было смысла в жизни». С детства я ощущал, что есть что-то высшее и непостижимое. Помню, в деревне дядя Федя выпроваживал меня из-за взрослого стола, и во дворе я смотрел на небо, на звезды. Оскар Уайльд после голода и тюрьмы дал такую формулу: «Все мы живем в сточной канаве, но некоторые из нас смотрят на звезды». Печально, когда вся жизнь тонет в будничной суете. Но это так естественно, если человек родился, стремиться осознать, что такое жизнь. Твоя жизнь — это секунда в мироздании. И ты должен быть счастлив, что она тебе дана. Эта обжигающая секунда. Именно секунда — говорю с высоты прожитого. ■